Афиша об открытии спектаклей Художественно-общедоступного театра 14 октября 1898 года.

А. П. Чехов читает артистам Художественного театра «Чайку».

Сцена из спектакля «На дне». Сатин — И. С. Станиславский.

Сцена из спектакля «Бронепоезд 14-69» в постановке 1927 года.

Сцена из спектакля «Кремлевские куранты». В роли Ленина — Б. Смирнов.

Ангелина СТЕПАНОВА,
народная артистка СССР

ТВОРЕЦ-КОЛЛЕКТИВ

Мы хорошо знаем, что такое «единоначалие» в искусстве. Осуществить это понятие в практической работе научил меня Художественный театр. И прежде всего — личный пример К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

«Секрет» художественного успеха нашего театра не только в том, что в его труппу умело подбирались актерские индивидуальности, и не только в последовательной, построенной на научной основе школе. Обязательными условиями необходимыми для хорошего театра. Чрезвычайно важно то, что во МХАТ воспитывались не просто актеры-исполнители, не просто профессионалы, пусть даже самого высшего порядка, а художники, люди, гармонически сочетающие в себе высокие личные, гражданские достоинства с духом творчества.

Непреложным законом, условием творчества в Художественном театре стала этика Станиславского. Это не свод правил поведения театрального работника, как иногда полагают.

Этика Станиславского воспитывает артиста одержимого, относящегося к искусству, как к выражению глубочайших снов убеждений. Только тогда, когда все члены театрального коллектива ощущают себя художниками, умеют самостоятельно мыслить и вместе с тем тесно объединены общими взглядами и целями, весь коллектив в данный исполнитель в отдельности подчинены четко выраженной «сверхзадаче».

Не внешнее обрамление роли, сделанное режиссером в спектакле, а эпоха выражения через человека — вот смысл и цель творчества в коллективе единомышленников. Анализа пьесы, отбор действий в спектакле нами учителя проводили вместе с актером, чутко прислушивались к его мнению. Я была молодой актриской, когда репетировала роль Софьи в «Горе от ума», но Станиславский разговаривал со мной как с художником, который хотел сказать людям что-то свое. Такое отношение я помогало нам становиться художниками, воспитывало самостоятельность творчества. Это касалось не только актеров. Костюмеры, бутафоры, гримеры, билетеры МХАТ всегда были творческими соучастниками спектаклей. Истоки нашего театра тесно связаны, например, с именами замечательных гримеров, отца и сына Гремиславских, машинисты сцены И. И. Титов и многие другие, кого не видел зритель.

На моих глазах крупнейшие режиссеры находили возможность дополнить и обогатить друг друга. И демонстрировало это содружество безусловное доверие к актеру, умеющему свободно мыслить в образе, уважение к его мнению. Я была молодой актриской, когда репетировала роль Софьи в «Горе от ума», и Станиславский, обращаясь к нам, как к творческим личностям, обсуждал с нами, как лучше, правда поведения актера на сцене. Эту правду отметил Чарльз Чаплин, который после ролей Художественного театра в Лондоне сказал: «Меня поразило то, что в нем видишь актера выходит на сцену и как уходит. Он понял очень важное во МХАТ нет и не было системы «гастролеров», не было специально подготовленных выходов главного героя. Он увидел подлинную жизнь персонажей.

Доверие актеру, в то же время наши учителя были иной раз и жестоки. Уместно сегодня напомнить, что ансамбль в Художественном театре понимался несколько не так, как это угодно толковать некоторым критикам и нашим дни. Ансамбль — сыгранность труппы! Нет, не так думали Станиславский и Немирович-Данченко. В спектаклях Художественного театра в народных сценах выходили ведущие актеры. Москвин и Качалов не считали для себя зазорным играть бессловесные роли во имя высокого художественного постановки. И когда однажды один из замечательных артистов отказался от участия в народной сцене, В. И. Немирович-Данченко уволил его на четыре года из театра. Потеря для МХАТ была огромной, но Искусство только приобрело это был для всех нас незабываемый пример взыскательного отношения к этическим принципам театра.

Требовательность к себе, личная ответственность за все, чем живет коллектив, получили во МХАТ силу закона.

Я стремлюсь к тому, чтобы, сидя рядом, задумав шись над многолетним опытом Художественного театра, все, кому дорога его открытий, обратили внимание на их творческую основу — мгновенность взгляда на Великолепное.

История МХАТ за 70 лет — это история борьбы за реалистическое искусство и за мужество, единый в убеждениях и творческих целях, верный общественному долгу. Так было во время Великой Отечественной войны, когда театр сумел стать полезным фронту. Так происходит всякий раз на гастролях в капиталистических странах. Случалось, что нам противопоставляли ядро антисоветской пропаганды, и театр выходил победителем в этой борьбе.

Было необыкновенно радостно слышать, как звучит в залах зарубежных театров мелодия «Интернационала» в «Кремлевских курантах», в «Бронепоезде», аплодируют актеру, исполняющему роль В. И. Ленина.

«Анна Каренина». Анна — А. Тарасова, Каренин — Н. Хмелев.

Идет репетиция «Чайки». На снимке: Л. Губанов, режиссер Б. Ливанов, С. Корношко.

СЛОВО ДРУЗЕЙ

Наталья **УЖВИЙ,**
народная артистка СССР

Среди множества имен и звездных имен, сияющих на небосводе — Станиславский и Немирович-Данченко, в сборной любящих отдать свое сердце как зрителя, так и актера, для которого нет ничего выше дружбы наших людей. И — у самых истоков всей дружбы — Московский Художественный театр. Мы, фронтовики, всегда вспоминаем дружеское радушие и бодрость, которые нам оказывали в трудные минуты и обстановке фронтовой жизни наши ветераны мастера.

С благодарностью вспоминаю я и замечательных людей, на плечах которых лежала тяжесть руководства и обеспечения всего нашего коллектива, — Станиславского, Немировича-Данченко, а впоследствии любящего отца и опытного мастера Василия Ивановича Качалова. Бесконечно сердечное, дружеское отношение к нам, детям, было у репертуара (над пьес Александра Корнейчука шел спектакль во МХАТ и у нас), творческие коллективы и репертуар нашего театра помогали нам и создают ту подлинную художественную атмосферу, без которой искусство не могло бы достигать вершин.

Именно такие отношения в среде человеческих дружба сохранили меня с Алой Константиновной Тарасовой, большой дорогой, моим авторитетом. Как не раз приходилось отдать, что в своей судьбе я обязана ей больше, чем кому-нибудь из ныне живущих людей. Ее мастерство, ее доброта, ее сердечность — большая часть моего существования.

В дни юбилея МХАТ шлю от души хочется поздравить моих старых друзей — спектакли театра. Хочется пожелать молодым поколениям наших актеров бережно и радостно хранить лучшие традиции прошлого, которые, в сочетании с новыми, сделают — в большом масштабе — дальнейшие творческие достижения.

Хорошие пьесы обычно приходят к тем, кто их ждет. Пусть же, так пусть же ждет нас, как ждет нас, — пусть ждет нас, как ждет нас, — пусть ждет нас, как ждет нас, — пусть